

ГЛАВА 22. ИДЕАЛЬНЫЙ КАДР

В этой истории персонаж Ли Сычэня был лишь сторонним наблюдателем, но для главного героя он стал кем-то вроде путеводной звезды. Образ мальчика, чьё сердце с рождения было слабым, а нрав — отстранённо-холодным, резко контрастировал с главным героем, который после предательства близких возненавидел весь мир. Столкновение этих двух крайностей должно было произвести на зрителей неизгладимое впечатление.

Роль Сычэня — это Лю Шаньчэнь в детстве. Сцен с его участием было немного: по расчётам, он должен был закончить съёмки примерно через десять дней. Времени на лишние раздумья не оставалось ни у него, ни у съёмочной группы.

— Карлос, ты в порядке? Справишься? — Режиссёр Бенсон вернулся после съёмок пейзажных планов и сразу услышал, что Ли Сычэнь простудился под дождём. Он искренне переживал — ведь именно он рекомендовал мальчика на прослушивание.

— Всё хорошо, — Сычэнь улыбнулся. Рядом со старым знакомым он выглядел куда искреннее.
— Спасибо за заботу, режиссёр Бенсон.

— Ну и славно, — Бенсон потрепал его по голове. — Говорят, этот выскочка Лэнс намеренно строит тебе козни. Это правда?

В киноиндустрии режиссёры и актёры часто выступают как партнёры, и здесь нет места иерархии, но если актёр злоупотребляет своим положением во время работы, режиссёр имеет полное право поставить его на место.

— Вовсе нет, — Сычэнь продолжал улыбаться. — Господин Лэнс очень мил.

— Точно? Пусть твой статус и ниже, чем у него, не стоит таить обиды в себе, если тебе приходится туго. Лучше скажи прямо.

Бенсон внимательно вглядывался в лицо мальчика, пытаясь уловить хоть тень неловкости или обиды. Если бы он заметил хоть малейший признак фальши, всё сразу стало бы ясно. Но сам Сычэнь оставался безмятежным.

Ли Сычэнь понимал, что Бенсон искренне за него беспокоится, но в этом кругу нет понятий «правоты» или «ошибки». Способность вырвать себе роль, умение блистать в кадре — вот что имеет значение. А если ты затерялся в массовке, значит, тебе просто не хватило таланта.

— Режиссёр Бенсон, мне правда лучше. Господин Лэнс ведёт себя достойно. О, мне пора в кадр! До свидания.

С этими словами Сычэнь убежал к площадке. Глядя на возвышающиеся поливальные машины,

он почувствовал секундную робость, но быстро взял себя в руки. Как бы то ни было, сегодня он обязан отыграть безупречно — хотя бы ради самого себя.

Сычэнь поджал губы и огляделся. Его взгляд замер на Лю Шаньчэне, стоявшем поодаль. Мальчик невольно улыбнулся — он и сам не заметил, как аура этого человека, ставшего ему названным старшим братом, придала ему уверенности.

Сычэнь не знал, что в этот момент ещё двое внимательно наблюдали за ним.

— Бенсон, а ведь этот малый — кремень, — заговорил Лоувэнь, главный режиссёр картины. Он был немногословен и редко выходил из себя, но при этом держал под полным контролем всё, что происходило на площадке.

— Да. Знаешь, почему я выделил его? Дело даже не в актёрской игре, а в его стойкости и врождённом чутье. В тот день на пробах он не жалел себя. Когда он рухнул на колени, звук удара заставил всех вздрогнуть. Ему было больно, но он не подал виду. Потом сцена с избиением — то же самое. Неважно, какой у него опыт, важно, что он умеет быть беспощадным к самому себе. Для актёра этого уже достаточно.

Режиссёр Бенсон говорил долго и, закончив, невольно улыбнулся.

— Ты впервые так высоко отзываешься о ребёнке, — Режиссёр Лоувэнь тоже улыбнулся с иронией. — Всем известно, как ты строг к актёрам и как трепетно относишься к каждой детали. И тут такие дифирамбы мальчишке.

— Кхм, — Режиссёр Бенсон деланно закашлялся и мгновенно стал серьёзным. — Наверное, это потому, что он ещё дитя.

— Что-то я не припомню, чтобы ты так хвалил других детей, старина.

Когда Лоувэнь называл Бенсона «старинной», это означало, что профессиональные отношения отходили на второй план, уступая место старой дружбе. Он явно поддразнивал коллегу.

Режиссёр Бенсон, не выдержав, размахисто хлопнул друга по спине:

— Ладно, старина! Дай мне самому отснять эту сцену. Хочу посмотреть, вырос ли этот парень за то время, пока меня не было.

— С удовольствием. Прошу, — Лоувэнь со смехом уступил Бенсону режиссёрское кресло.

То, что Бенсон занимал здесь пост второго режиссёра, было лишь вопросом дружеского сотрудничества. По статусу и таланту они были равны, хотя в проработке деталей Бенсон

порой даже превосходил своего товарища.

Снова раздалась команда «Мотор!». Ли Сычэнь и Лэнс стояли друг напротив друга. Возможно, из-за недавнего инцидента лицо Лэнса казалось мрачным, но это лишь добавило сцене необходимого драматизма.

Мощные вентиляторы раздували полы одежд, промокших под искусственным ливнем. Лэнс выглядел хищно, почти демонически. Он впился в Сычэня налитым кровью взглядом. В этот миг Лэнс казался воплощением первобытной ярости.

— Убивать — это дурно. Тебе не стоит так поступать.

Голос Сычэня зазвучал чисто. Оператор, уже наученный горьким опытом, мгновенно сменил ракурс, не упуская при этом Лэнса. Произошло нечто невероятное: на мониторе двое — высокий мужчина и маленький мальчик — в лучах проливного дождя смотрелись пугающе гармонично. Разница в возрасте словно стерлась.

Закончив фразу, Сычэнь медленно заложил руки за спину. Он смотрел на Лэнса прямо, лишь слегка приподняв подбородок. В этом жесте не было страха — только непоколебимая, почти аристократическая гордость.

— Этот мир принадлежит мне. Кто ты такой, чтобы судить меня?

На этот раз Лэнс не стал играть на публику. Он лишь чуть склонил голову, глядя на мальчишку сверху вниз. Его низкий рокот едва пробивался сквозь шум дождя, но от этого голоса у присутствующих побежали мурашки по коже. В этот момент перед ними стоял истинный тёмный лорд, над которым не властен ни один смертный.

Сычэнь сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию. Теперь ему приходилось задирать голову, чтобы встретиться с Лэнсом взглядом.

— Этот мир принадлежит всем, а не тебе одному. Если ты не остановишься, настанет день, когда ты пожалеешь. Настанет день...

Последние слова он произнёс с таким весом, будто выносил окончательный приговор. Он больше не был ребёнком — он был пророком, видящим грядущий крах.

Режиссёр Бенсон, не отрываясь от монитора, беззвучно, в каком-то исступлённом восторге схватил режиссёра Лоувэня за плечо. Тот поначалу следил за игрой вживую, но когда тот потянул его к экрану, Лоувэнь замер. Он посмотрел с азартом.

— Идеально... Какой кадр!

Есть люди, которые обладают природным даром «дружить» с объективом. На площадке их игра может казаться обычной, но на большом экране она приобретает колоссальную мощь. Сейчас был именно такой случай. И никто не мог понять, чья именно заслуга была в этой магии кадра.

Тем временем актёры продолжали. Лэнс протянул руку, и его бескровные пальцы коснулись шеи мальчика.

— Все они — тоже мои. Отдай мне свою кровь, и я подарю тебе вечность и бессмертную славу. Мы вместе покорим этот мир.

Он резко раскрыл ладонь, плотно обхватив горло Сычэня, готовый в любой момент сомкнуть пальцы.

На этот раз Сычэнь не вздрогнул. Напротив, он поднял голову и едва заметно, безмятежно улыбнулся.

— Я отказываюсь.

Даже после этих слов он продолжал улыбаться. Казалось, чужая рука на его горле — лишь досадная мелочь, а сам он не стоит на пороге смерти, а собирается отправиться в прекрасное путешествие.

— А-а-а-а! — Лэнс вскинул голову и, раскинув руки, издал яростный, нечеловеческий вопль.

Камера начала движение вслед за Лэнсом, собираясь уйти от Сычэня, но Режиссёр Бенсон вдруг рявкнул:

— Идиот, не смей! Сдвигай объектив вниз!

«Вниз? Зачем?» Режиссёр Лоувэнь среагировал первым. Он вскочил и махнул оператору, приказывая не смещать фокус с общего плана.

Несмотря на первоначальную раскадровку, слово режиссёра — закон. Оператор мгновенно скорректировал положение камеры, удерживая обоих в кадре.

Лоувэнь нырнул обратно к монитору. На экране Лэнс метался в ярости, изрыгая проклятия, а фигура Сычэня, стоявшего рядом, постепенно теряла чёткость. Мальчик словно растворялся в дожде, и он медленно, капля за каплей, переставал улыбаться.

По сценарию Сычэнь был лишь образом из воспоминаний Лэнса. Раньше предполагалось, что во время вспышки гнева камера просто покажет закат или другой пейзаж, который наложат при монтаже. Но игра Сычэня давала куда более сильный эффект: теперь достаточно было лишь слегка «размыть» его фигуру на пост-продакшене, чтобы сцена стала шедевром.

— Старина, ты откопал настоящее сокровище. У этого мальчишки невероятный потенциал! — Лоувэнь в возбуждении хлопал Бенсона по плечу.

Эта сцена была ключевой, поворотным моментом всего сериала. Именно здесь главный герой, сломленный отказами и предательствами, вспоминает единственного друга, который тоже отверг его, и окончательно погружается во тьму. Лоувэнь не надеялся снять это с первого раза после утреннего провала, но результат превзошёл все ожидания.

— Да, — Бенсон выдохнул с облегчением. — Только этот потенциал нужно уметь разбудить.

Он снова вспомнил их первую встречу.

Смена закончилась триумфально. Группа, морально готовая к бесконечным дублям, наконец-то смогла перевести дух. Не было ничего приятнее, чем осознание идеально выполненной работы.

<http://bllate.org/book/17536/1705525>